

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Основаны **В. Р. Розеномъ.**

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.
1917—1920.

ПЕТЕРБУРГЪ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1921

Mr. H. H. H. H.

Памяти В. А. Жуковского¹.

4/17 января 1918 г. скончался наш сочленъ, профессоръ Валентинъ Алексѣевичъ Жуковскій, долголѣтній участникъ работъ нашего Отдѣленія, прочитавшій въ немъ свой первый докладъ въ январѣ 1887, свой послѣдній докладъ въ февралѣ 1917 г.

Имя покойнаго В. А. навсегда останется въ русской наукѣ, какъ имя перваго русскаго специалиста по изученію мусульманской Персіи.

Специализація установилась въ востоковѣдѣніи позже, чѣмъ въ другихъ отрасляхъ научной мысли, въ области изученія мусульманскаго міра—позже, чѣмъ въ другихъ отрасляхъ востоковѣдѣнія. Въ Россіи специализація сверхъ того затрудняется малочисленностью русскихъ научныхъ и вообще культурныхъ силъ. Однимъ и тѣмъ же ученымъ приходилось и приходится обращаться отъ однихъ научныхъ матеріаловъ къ другимъ, часто также отъ вопросовъ чистой науки къ вопросамъ, связаннымъ съ политическими и экономическими интересами Россіи.

Покойный В. А. съ первыхъ лѣтъ своей дѣятельности намѣтилъ себѣ кругъ задачъ, которому оставался вѣренъ до конца жизни. В. А. не вполне сочувствовалъ той специализаціи, сторонниками которой теперь является большинство представителей факультета восточныхъ языковъ, именно специализаціи по тремъ главнымъ отраслямъ филологической науки — лингвистики, филологіи въ тѣсномъ смыслѣ и исторіи. Самому В. А. приходилось работать во всѣхъ трехъ областяхъ, и въ каждой изъ нихъ его труды были крупнымъ шагомъ впередъ въ наукѣ. Но среди его печатныхъ работъ нѣтъ ни одной, которая не была бы посвящена Ирану, притомъ Ирану мусульманскому, если не въ современныхъ, то в средневѣковыхъ его границахъ; нѣтъ также ни одной статьи по политическимъ или экономическимъ вопросамъ.

Въ семьѣ русскихъ востоковѣдовъ покойный занималъ особое мѣсто еще въ другомъ отношеніи. Въ отличіе отъ русскихъ работъ по изученію Дальняго Востока, русскія работы по изученію мусульманскаго міра всегда тѣсно примыкали къ работамъ западно-европейскихъ ученыхъ; исключенія

¹ Читано въ засѣданіи Восточнаго Отдѣленія 25/12 апрѣля 1918 г.

не представляли даже работы профессора азіатскаго происхожденія, Каземъ-Бека, съ первыхъ лѣтъ своей дѣятельности сдѣлавшагося членомъ западно-европейскихъ ученыхъ обществъ и издаваемаго многіе изъ своихъ трудовъ на западно-европейскихъ языкахъ, англійскомъ и французскомъ. Какъ ученикъ барона Розена, В. А. прошелъ на факультетѣ восточныхъ языковъ вполне европейскую научную школу и вполне овладѣлъ европейскими научными методами, но до конца думалъ и писалъ только по-русски. Западно-европейскими языками оупъ владѣлъ настолько, насколько было необходимо для изученія научной литературы, но не говорилъ ни на одномъ языкѣ, кромѣ русскаго и персидскаго, и не совершилъ ни одного путешествія въ западную Европу. Въ работахъ В. А. нѣтъ слѣда широкаго, независимаго отъ специальности, европейскаго образованія, нѣтъ признаковъ подробнаго ознакомленія съ западно-европейскою изящною литературой, хотя бы въ лицѣ ея классическихъ писателей.

Въ связи съ этимъ, можетъ быть, находится фактъ, что В. А. во всѣхъ областяхъ, въ которыхъ ему приходилось работать, довольствовался дѣятельностью собирателя матеріаловъ, предоставляя болѣе широко образованнымъ специалистамъ, лингвистамъ, филологамъ, этнографамъ, историкамъ и другимъ, опредѣлять мѣсто этихъ матеріаловъ среди другихъ и ихъ значеніе, какъ памятниковъ культурной жизни человѣчества¹. Отношеніе В. А. къ собиравшимся имъ матеріаламъ, однако, не было безразличнымъ; во всѣхъ его работахъ чувствуется вліяніе вполне опредѣленной идеи. Какъ переводчикъ и изслѣдователь памятниковъ литературы, изящной и народной, и въ особенности какъ изслѣдователь религіозныхъ вѣрованій В. А. проявлялъ тонкій художественный вкусъ, глубокое пониманіе основныхъ свойствъ человѣческой души и человѣческой мысли. Преобладаніе въ душевной жизни самого В. А. русскихъ элементовъ надъ западно-европейскими придаетъ этимъ качествамъ его работъ особенную цѣну въ глазахъ русскаго. Кромѣ индивидуальныхъ качествъ В. А., здѣсь могло отразиться его происхожденіе изъ мѣстности, давшей Россіи Кольцова и Никитина.

В. А. кончилъ курсъ по факультету восточныхъ языковъ въ 1880 году. На студенческой скамьѣ имъ было представлено сочиненіе по турецкой словесности, удостоенное факультетомъ, на основаніи отзыва представителя каедры², золотой медали. Предложенная факультетомъ задача заключалась въ

¹ Ср. напр. Матеріалы по изученію персидскихъ нарѣчій, стр. XIX (о «задачѣ, которая епо силамъ настоящему иранисту») и 247, также ЗВО, V, 178 о «специалистахъ, занимающихся сравнительнымъ изученіемъ странствующихъ разсказовъ и повѣстей».

² Отзывъ напечатанъ въ Проток. Засѣд. Сов. Имп. СБб. Унив., XXI, 176 сл.

извлеченіи изъ *كنه الاخبار*, сочиненія османскаго автора XVI в. Аали-челеби или Аали-эфенди, извѣстій о славянахъ, при чемъ эти извѣстія должны были быть сопоставлены съ извѣстіями другихъ османскихъ источниковъ и переведены на русскій языкъ съ примѣчаніями. Въ отзывѣ отмѣчены достоинства труда молодого автора, «мѣткость и категорическая точность» его сужденій, его начитанность въ европейской литературѣ по славянской исторіи, обширность его примѣчавій, иногда приобрѣтавшихъ характеръ монографій по поводу затронутыхъ въ нихъ вопросовъ, и въ особенности достоинства перевода, въ которомъ точность передачи текста соединялась съ «безукоризненной правильностью» и даже «изяществомъ русской рѣчи». Студенческій трудъ В. А. не былъ напечатанъ, и къ трудамъ по османской литературѣ онъ болѣе не возвращался. Ссылки на произведенія славянскихъ литературъ встрѣчаются въ трудахъ В. А. довольно часто; вообще какъ русская литература, такъ и славянскія были изучены имъ подробнѣе, чѣмъ большинствомъ неспециалистовъ. Въ этомъ смыслѣ его студенческая работа не осталась, повидимому, безъ вліянія на его дѣятельность, какъ ученаго.

Первой печатной работой В. А. была вышедшая въ 1883 г. магистерская диссертация «Али Аухадэддинъ Энвері¹. Матеріалы для его біографіи и характеристики». На этомъ трудѣ и на другихъ работахъ В. А. по персидской литературѣ я не буду останавливаться, такъ какъ о нихъ будетъ рѣчь въ другомъ докладѣ.

Впослѣдствіи В. А. интересовался преимущественно мистической поэзіей, при томъ болѣе ради выраженныхъ въ ней религиозныхъ идей, чѣмъ какъ памятникомъ изящной литературы. В. А. имѣлъ въ виду посвятить особую монографію «гератскому старцу» Абдаллаху Ансари, мистыку XI в., пѣсни котораго были изданы и переведены имъ въ сборникѣ «Восточныя Запѣтки»²; но это намѣреніе не было исполнено. Не вышло въ свѣтъ также обѣщанное³ В. А.-чемъ изслѣдованіе о произведеніяхъ Баба-Тахира хамаданскаго, которому В. А. раньше посвятилъ небольшую статью въ «Запи-

¹ Произношеніе «Энвері», принятое, однако, не однимъ В. А.-чемъ (ср. въ его диссертации, стр. II ссылку на рукопись Аз. музея; впослѣдствіи E. Ferte также писалъ «Eaveri»), вызвало возраженія въ рецензій К. Г. Залемана. Самъ В. А. впослѣдствіи писалъ «Анвері» (напр. *المطرفة*, 843, 851, 857).

² Вост. Зам., 79 сл.; о монографіи 118. Въ бумагахъ В. А. сохранился черновикъ относящагося къ 1895 г. письма на имя Э. Броуна (на персидскомъ языкѣ). Посылая экземпляръ книги, В. А. просилъ внести для поправки на стр. 100 наверху, именно читать *یکی خواهییم* вм. *یکی خواهییم* *و نگوید کردم* *و نگوید کردم* соответственно, конечно, долженъ былъ исправленъ переводъ на стр. 101. Въ печати эти поправки, насколько мнѣ извѣстно, не были приведены.

³ Ср. Годичные отчеты СПб. унив. за 1904 г., стр. 120 и за 1905 г., стр. 79.

скажт»¹. По отношенію къ другимъ мистическимъ поэтамъ В. А. довольствовался ролью издателя и переводчика. Такъ имъ была издана и переведена² «Пѣснь Насири-Хосрова», какъ лучшее и самое «простое выраженіе мыслей персидскаго пантеизма». Вопросъ о личности и дѣятельности поэта казался В. А.-чу уже достаточно выясненнымъ трудами западно-европейскихъ ориенталистовъ; впоследствии, однако, Э. Броуну удалось извлечь изъ дивана поэта еще нѣсколько интересныхъ историческихъ и географическихъ фактовъ³. Въ послѣднее время своей жизни В. А. работалъ надъ давно задуманнымъ имъ⁴ изданіемъ и переводомъ дивана Баба-Кухи и въ день смерти остановился на стихѣ: «Доколѣ ты, подобно ослу, будешь пребывать въ этой вонючей лужѣ міра? Подобно Иисусу, стремись вверхъ».

Изъ всѣхъ работъ В. А., кромѣ его диссертаций, магистерской и въ особенности докторской, о которой будетъ рѣчь ниже, наибольшую извѣстность въ западной Европѣ получила его статья объ Омарѣ Хайямѣ, поэтѣ, пользующемся, какъ извѣстно, широкой популярностью въ Англии и Америкѣ, хотя обширная литература о знаменитыхъ «четверостишіяхъ» не имѣетъ никакого отношенія къ изученію персидской поэзіи и вообще персидской литературы. В. А. еще въ февралѣ 1895 г. въ актовѣ рѣчи, произнесенной въ С.-Петербургскомъ университетѣ⁵, высказалъ свое убѣжденіе, что «Омаръ Хайямъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ доступенъ большому кругу читателей, не одно лицо, а нѣсколько», такъ какъ одни и тѣ же четверостишія приписываются то Хайяму, то другимъ поэтамъ болѣе ранней или болѣе поздней эпохи⁶. Этотъ взглядъ былъ подробно обоснованъ В. А. въ статьѣ, напечатанной въ 1897 г., въ «Сборникѣ статей учениковъ барона Розена»⁷, и почти тотчасъ же переведенной на англійскій языкъ⁸. Англійскій издатель четверостишія Омара Хайяма, Whinfield, полагалъ, что изъ четверостишія Омара до 500 должно быть признано несомнѣнно подлинными; В. А. доказалъ, что число «странствующихъ», т. е. приписываемыхъ разнымъ авторамъ четверостишія гораздо значительнѣе, и вопросъ о подлинности можетъ быть поставленъ по отношенію къ каждому четверостишію въ отдѣльности, вслѣдствіе чего приходится отказаться отъ попытки дать характеристику творчества Омара, какъ индивидуальнаго

¹ ЗВО, XIII, 0104 сл.

² ЗВО, IV, 386 сл.

³ A lit. hist. of Persia, II, 220 сл.

⁴ Ср. ЗВО, XV, стр. XVII (1902 г.).

⁵ Человѣкъ и познаніе у персидскихъ мистиковъ (Годичный актъ Имп. Спб. Унив. 8 февраля 1895 г., стр. 97—128).

⁶ Год. актъ, 101.

⁷ المظفریة, 325—363.

⁸ E. D. Ross въ JRAS, April 1898, p. 349—366.

поэта. Мнѣніе В. А. было принято наукой; Ethé въ Grundriss еще не успѣлъ воспользоваться работой В. А. и повторяет мнѣніе Уишфильда¹, но Броунъ доказываетъ, что число «странствующихъ» четверостишій еще болѣе значительно, чѣмъ полагалъ В. А.; по мнѣнію Бруна, несомнѣннымъ остается фактъ, что Омаръ Хайямъ сочинялъ четверостишія, но ни о какомъ отдѣльномъ четверостишіи, кромѣ немногихъ исключительныхъ случаевъ, нельзя утверждать, что его сочинилъ именно Омаръ Хайямъ². Изъ ученыхъ, писавшихъ по этому вопросу послѣ В. А., только Кристенсенъ³ выдвинулъ новый принципъ и считалъ возможнымъ признать если не доказанной, то болѣе или менѣе вѣроятной подлинность 14 четверостишій: 12-ти, въ которыхъ названо имя Хайяма, какъ автора, и двухъ, на которые ссылается авторъ XIII в. Неджм-ад-динъ Рази⁴.

Среди «странствующихъ» четверостишій, дѣйствительно, нѣтъ ни одного, въ которомъ было бы названо имя Хайяма, какъ автора; но, какъ указываетъ самъ Кристенсенъ, одно изъ приписываемыхъ Хайяму четверостишій передается также, въ другой редакціи, отъ имени поэта Афдала Кеши, такъ что фактъ упоминанія имени поэта не является вполне достовѣрной гарантіей подлинности. В. А., вмѣсто этого положительнаго критерія, предложилъ только отрицательный, ненадежность котораго, конечно, сознавалась и имъ самимъ. Наибольшій процентъ странствующихъ четверостишій падаетъ на четверостишія эпикурейскаго содержанія, наименьшій — на четверостишія, проникнутыя мистицизмомъ, философскими разсужденіями, свободомысліемъ и мусульманскимъ вольнодумствомъ; слѣдовательно, больше всего сомнѣній возбуждаютъ эпикурейскія черты Омара, и съ наибольшей увѣренностью можно говорить о немъ, какъ о врагѣ оффиціального ислама, мистикѣ въ духѣ Газали и поборникѣ греческой философіи въ духѣ Авиценны⁵.

Для выясненія личности Омара Хайяма существовалъ, конечно, еще другой путь: собрать и критически рассмотреть біографическія свѣдѣнія о поэтѣ. В. А. вступилъ и на этотъ путь, но не достигъ вполне надежныхъ результатовъ, такъ какъ въ его распоряженіи не было разсказовъ современниковъ, видѣвшихъ Омара Хайяма и говорившихъ съ нимъ. Впослѣдствіи такіе раз-

¹ Grundriss der Iran. Phil., II, 276 (etwa 600 authentische Nummern).

² A lit. hist. of Persia, II, 257. Неясно, какіе few exceptional cases имѣются въ виду.

³ Recherches sur les Rubā'iyāt de 'Omar Ḥayyām, въ Materialien zur Geschichte der Sprachen und Litteraturen des vorderen Orients, herausg. von M. Hartmann, Heft 3. Heidelberg 1905. Рецензія С. Нартъ въ JA. 10, V, 179—188. Диссертация Кристенсена вышла на датскомъ языкѣ еще въ 1903 г., см. рецензію М. Hartmann въ WZKM, XVII, 866—874.

⁴ A. Christensen, Recherches etc., 32—35.

⁵ Christensen (Recherches etc., 10) не понималъ доводовъ В. А.; Hartmann (WZKM, XVII, 367) приписалъ В. А.-чу приблизительно обратное тому, чѣмъ имъ говорится въ дѣй-

сказы были извлечены Броуномъ изъ *جہار مقالہ* Низами Арузи¹ и нѣмецкими учеными Якобомъ и Видеманномъ² изъ *نتنۃ صوان الحکمة* Абу-л-Хасана Бейхаки. Якобъ и Видеманпъ располагали всѣмъ матеріаломъ объ Омарѣ Хайямѣ, но не воспользовались біографіей Абу-л-Хасана Бейхаки въ 5-мъ томѣ *ارشاد الأريب* Якута, въ то время уже изданномъ, и потому, какъ и Броунъ, не могли вполнѣ оцѣнить смыслъ разсказа Бейхаки о своей встрѣчѣ съ Омаромъ Хайямомъ въ 507 г., когда Омаръ предложилъ ему нѣсколько вопросовъ по грамматикѣ, по поводу одного изъ стиховъ «Хамасы», и по геометріи и удивился его отвѣтамъ³. Бейхаки родился въ 499 г.⁴, въ 507 г. ему, слѣдовательно, было всего 8 лѣтъ. Омаръ, по словамъ Бейхаки, былъ извѣстееъ своимъ «дурнымъ нравомъ», т. е. суровостью и неучтивостью; но знаменитый ученый, экзаменующій пришедшаго къ нему по порученію отца восьмилѣтняго мальчика,—картина, свидѣтельствующая скорѣе о напускной, чѣмъ о дѣйствительной суровости. Тотъ же Бейхаки противопоставляетъ суровости Омара Хайяма пріятливый нравъ его современника, астронома Асфизари (или Исфизари); оба ученыхъ, однако, повидимому, были связаны тѣсной дружбой, какъ видно изъ разсказа Низами Арузи о ихъ совмѣстномъ пріездѣ въ Балхъ въ 506 г., когда ихъ видѣлъ Низами Арузи. Омаръ Хайямъ, несмотря на свою суровость, внушалъ горячую любовь своимъ ученикамъ, какъ видно изъ разсказа Низами Арузи о слезахъ, пролитыхъ имъ въ Нишапурѣ надъ могилой Хайяма, своего несравненнаго учителя. Разсказами Бейхаки вполнѣ подтверждается миѣніе В. А. объ Омарѣ Хайямѣ, какъ поклонникѣ Авиценны; но суфіемъ въ обычномъ тогда смыслѣ Омаръ Хайямъ не былъ и въ своемъ вольнодумствѣ, несомнѣнно, шелъ гораздо дальше, чѣмъ такіе суфіи, какъ Газали и его послѣдователи. Послѣдній, какъ врагъ философіи Авиценны, не сочувствовалъ и Омару Хайяму⁵. Всѣ эти черты создаютъ довольно цѣльный образъ, и едва ли кто нибудь сумѣлъ бы воспроизвести

ствительности: dass sich aus dem Prozensatz gewisser Gruppen der «Wandergedichte», die als sicheres Material anzusehen seien, ein Schluss auf die Persönlichkeit des Dichters ziehen lasse.

¹ Привлечено Броуномъ еще въ 1899 г. (JRAS, April 1899, p. 413 сл.). Ср. текстъ въ изд. мурзы Мухаммеда Казвинскаго (Gibb. Mem. Ser. vol. XI, 1910), стр. 62 слѣд.; переводъ Э. Броуна, *Shahār Maqāla*, оттискъ изъ JRAS, 1899 г., стр. 100 сл. (Journal, p. 806).

² *Der Islam*, III (1912), 43 сл. О соответствующемъ сочиненіи Якута въ *الارشاد الأريب* V, 212; Brockelmann, *Gesch. der Arab. Litt.*, I, 324.

³ Въ статьѣ В. А. (*المظفریة*), стр. 335 сл.) этотъ разсказъ приводится изъ сочиненія XV в., гдѣ дана невѣрная дата — 505 г.

⁴ *الارشاد الأريب*, V, 208.

⁵ Ср. разсказъ о бесѣдѣ между ними въ *Der Islam*, III, 44 f.; въ статьѣ В. А. (*المظفریة*), стр. 328 и 330) тотъ же разсказъ приводится по *نزهة الأرواح* Шахразури.

его передъ нами лучше В. А., если бы онъ тогда располагалъ необходимыми источниками.

Во время своего трехлѣтняго (1883—86) пребыванія въ Персіи В. А. собралъ обширный научный матеріалъ, главнымъ образомъ по изученію живыхъ нарѣчій, народныхъ вѣрованій и народной литературы. Собранные В. А. лингвистическіе матеріалы предполагалось, какъ извѣстно¹, издать въ пяти томахъ, изъ которыхъ при жизни автора вышелъ только одинъ, напечатанный еще въ 1888 г. и доставившій автору степень доктора². Эта работа и другіе лингвистическіе труды В. А. будутъ предметомъ особаго доклада, почему я не буду ихъ касаться. Въ кругу научныхъ интересовъ В. А. лингвистическіе вопросы, повидимому, не занимали большого мѣста; довольствуясь изданіемъ части своихъ лингвистическихъ матеріаловъ, онъ не дѣлалъ никакихъ попытокъ привлечь къ нимъ вниманіе хотя бы ориенталистовъ; среди докладовъ, сдѣланныхъ имъ въ нашемъ Отдѣленіи, нѣтъ ни одного лингвистическаго.

Почти столь же кратковременный характеръ имѣли занятія В. А. въ области исторіи и археологіи, давшія столь же цѣнный результатъ для науки. Въ 80-хъ годахъ, послѣ войны съ туркменами, въ составъ Россіи вошла часть историческаго Ирана, съ развалинами одного изъ главныхъ центровъ иранской и вообще до-монгольской мусульманской культуры, Мерва. В. А. въ 1890 г. совершилъ туда поѣздку на средства Археологической Комиссіи; результатомъ этой поѣздки былъ докладъ въ нашемъ Отдѣленіи, прочитанный въ ноябрѣ того же года³, и книга о «Развалинахъ Стараго Мерва», вышедшая въ 1894 г.⁴ Археологическое Общество, на основаніи отзыва барона В. Г. Тизенгаузена, въ 1896 г. удостоила этотъ трудъ большой золотой медали⁵. Кромѣ подробнаго описанія городищъ и построекъ, изъ которыхъ самая замѣчательная — гробница султана Саиджара (XII в.), В. А. далъ намъ очеркъ историческихъ свѣдѣній о Мервѣ; благодаря этому онъ имѣлъ возможность установить происхожденіе отдѣльныхъ городищъ, и въ этомъ отношеніи выводы труда В. А. не могли быть поколеблены. Если нѣкоторые изъ главныхъ вопросовъ, связанныхъ съ исторической топографіей Мерва, напримѣръ вопросъ о направленіи каналовъ, орошавшихъ площадь города, остались невыясненными, то это объясняется основной

¹ ЗВО, XXIV, 250.

² Матеріалы для изученія персидскихъ нарѣчій. Ч. I. Діалекты полосы города Кашана: Вонішунъ, Кохрудъ, Кешъ, Зэферъ.

³ ЗВО, V, стр. X.

⁴ Древности Закаспійскаго края. Развалины Стараго Мерва (Матеріалы по археологіи Россіи, издаваемые Имп. Археологическою Комиссіею, № 16).

⁵ ЗВО, XI, 327.

методологической ошибкой, которую впоследствии признавал самъ В. А.: историческій матеріалъ былъ собранъ и изученъ имъ не до осмотра развалинъ, а послѣ. Несмотря на свои высокія достоинства и на болѣе чѣмъ сочувственные отзывы специалистовъ, книга о Мервѣ не получила въ научномъ мірѣ такой извѣстности¹, какъ липгвистическій трудъ В. А., отчасти потому, что исторіей мусульманскаго Ирана до сихъ поръ еще мало интересуются, отчасти, можетъ быть, вслѣдствіе слабаго вообще распространенія изданій Археологической Комиссіи.

Послѣ изслѣдованія развалинъ Мерва В. А. лѣтомъ того же 1890 г. совершилъ изъ Закаспійской области поѣздку въ Хорасанъ, для осмотра Мешхеда и Туса. Результатомъ этой поѣздки была статья о могилѣ Фирдауси², которой, между прочимъ, воспользовался Th. Nöldeke въ своемъ извѣстномъ изслѣдованіи о персидскомъ національномъ эпосѣ³. Среди работъ В. А. нѣтъ изслѣдованій, которыя были бы посвящены эпической литературѣ, кромѣ юмористическихъ пародій на эпосъ⁴ и передѣлки эпоса подъ влияніемъ религіозныхъ тенденцій⁵; но изъ отдѣльных замѣчаній видно, какъ высоко онъ цѣнилъ творчество Фирдауси, его эпосъ и въ особенности его «чудеснѣйшую»⁶ сатиру противъ султана Махмуда. Статья о могилѣ Фирдауси полна горькихъ словъ по поводу неуваженія персидскаго народа къ памяти своего великаго пѣвца.

Условія, при которыхъ былъ погребенъ Фирдауси, въ статьѣ не вполне были выяснены. Тотъ же недоступный тогда источникъ, изъ котораго впоследствии были извлечены цѣнныя свѣдѣнія объ Омарѣ Хайямѣ, چهار مقاله Низами Арузи, далъ также цѣнныя свѣдѣнія о мѣстѣ погребенія Фирдауси; изъ его разсказа мы узнаемъ, что пѣвцу языческихъ богатырей не хотѣли дать мѣста на общемъ мусульманскомъ кладбищѣ и онъ былъ похороненъ въ принадлежавшемъ ему саду⁷. Еще не вполне выяснена въ научной литературѣ личность великаго національнаго поэта, на старости лѣтъ отрекавшася отъ своего произведенія и старавшася загладить свои грѣхи поэмой на благочестивую, заимствованную изъ Корана тему, по этимъ не примирившаго съ собой своихъ противниковъ и послѣ смерти ли-

¹ Ср. ЗВО, XIX, 115 сл.

² ЗВО, VI, 308 сл.

³ Grundr. der Iran. Phil., II, 210 сл.

⁴ ЗВО, I, 316 сл.; V, 111 сл. Существованіе этого рода литературы тогда считалось неизвѣстнымъ; ср. теперь Grundr. der Iran. Phil., II, 266 (о пародіяхъ).

⁵ Статья «Мусульманство Рустема Дастановича» (Живал Старина, вып. IV, СПб. 1891, стр. 109—117).

⁶ Выраженіе В. А. въ ЗВО, II, 263.

⁷ چهار مقاله, текстъ, стр. 51; перев. Э. Броуна, стр. 84; Nöldeke въ Grundr. der Iran. Phil., II, 157.

шеннаго могилы среди своихъ единовѣрцевъ. И въ этомъ случаѣ придется пожалѣть, что не В. А.-чу, который могъ бы выполнить эту задачу лучше всякаго другого, было суждено воспроизвести передъ нами этотъ трагическій образъ.

В. А. еще разъ совершилъ поѣздку съ археологической цѣлью въ Закаспійскую область въ 1896 г., также на средства Археологической Комиссии. Предметомъ изслѣдованія на этотъ разъ были развалины городовъ Несѣ съ его окрестностями, Абиверда и Мейхена. Предполагалось и въ этомъ случаѣ издать описаніе развалинъ вмѣстѣ со сводомъ историко-географическихъ данныхъ¹, но это намѣреніе не было выполнено, и В. А. послѣ этого до конца жизни уже не возвращался ни къ историческимъ, ни къ археологическимъ вопросамъ².

Главнымъ предметомъ занятій В. А., со времени его перваго путешествія въ Персію до конца жизни, была религиозная жизнь персидскаго народа въ прошломъ и настоящемъ, но и въ этомъ отношеніи опубликованное имъ въ печати составляетъ только часть задуманнаго, отчасти даже обѣщаннаго. Одной изъ главныхъ сектъ Персіи, «Людемъ истины», былъ посвященъ его первый докладъ въ нашемъ Отдѣленіи³; докладъ былъ напечатанъ во 2-мъ томѣ «Записокъ»⁴ и, по отзыву Н. Я. Марра⁵, долженъ быть признанъ «рѣдкимъ по содержательности источникомъ» для дальнѣйшихъ работъ въ этой области. Шагъ впередъ въ изученіи этого вопроса былъ, однако, сдѣланъ русской наукой только почти черезъ четверть вѣка послѣ статьи В. А., когда въ 1911 г. В. Ф. Минорскій опубликовалъ тексты, собраніе которыхъ было начато имъ еще въ 1902 г., всецѣло подъ влияніемъ работы В. А., изъ которой онъ только и узналъ о существованіи сектантовъ⁶.

Изъ другихъ докладовъ В. А. два⁷ были посвящены бабидамъ и исторіи ихъ изученія, одинъ, прочитанный въ ноябрѣ 1896 г.⁸ и прослушанный, какъ я помню, съ живѣйшимъ интересомъ, но къ сожалѣнію не напечатанный, далъ необыкновенно яркій, художественно очерченный образъ одного изъ

¹ Отчетъ Имп. Арх. Ком. 1896 г., стр. 105.

² Исключеніе представляютъ только примѣчанія В. А. къ статьѣ А. А. Семенова о надписяхъ на порталахъ мечети въ Мешед-и-Мисриѣнъ (ЗВО, XVIII, 0154 сл.).

³ ЗВО, II, стр. II.

⁴ Ibid. 1—24.

⁵ ЗВО, XVIII, прил., 12, прим. 1.

⁶ В. Ф. Минорскій. Матеріалы для изученія персидской секты «Люди истины» или Али-Иахи, ч. I, Москва 1911 (Труды по востоковѣдѣнію, изд. Лазар. Инст. Вост. яз., вып. XXXIII, стр. VII).

⁷ Окт. 1891 г. (ЗВО, VI, стр. IX, статья тамъ-же, 321—327) и дек. 1913 г. (ЗВО, XXII, стр. XXI; статья въ ЗВО, XXIV, 33—90).

⁸ ЗВО, X, стр. XX.

главных хорасанских суфиевъ XI в., шейха Абу-Са'ида Мейхенейскаго. В. А. впоследствии издалъ текстъ двухъ біографій Абу-Са'ида¹ и нѣсколькихъ толкованій на его четверостишія², но не далъ намъ характеристики личности знаменитаго суфія³. Ненапечатанными (за исключеніемъ краткаго резюме въ протоколахъ) остались также докладъ о современныхъ дервишахъ Персіи, по личнымъ бесѣдамъ съ ними, прочитанный въ ноябрѣ 1899 г.⁴, по возвращеніи В. А. изъ его послѣдней поѣздки въ Персію, и докладъ объ одномъ изъ важнѣйшихъ источниковъ для исторіи суфизма *كشف المحجوب* Джуллаби, прочитанный въ январѣ 1906 г., при чемъ доладчикъ обѣщаль «въ самомъ непродолжительномъ времени» издать текстъ этого источника⁵. Обѣщаніе осталось невыполненнымъ; сочиненіе Джуллаби сдѣлалось доступнымъ для изслѣдователей въ 1911 г. благодаря сокращенному англійскому переводу Р. А. Никольсона⁶. В. А. воспользовался сочиненіемъ Джуллаби еще въ 1895 г. при составленіи своей актовъ рѣчи⁷ «Человѣкъ и познаніе у персидскихъ мистиковъ», интересной попытки установить основныя начала ученія суфиевъ по древнѣйшимъ литературнымъ памятникамъ персидскаго суфизма⁸, почти по затрагивавшимся прежними изслѣдователями; по замѣчанію В. А., его европейскіе предшественники по изученію суфизма основывались всецѣло на сравнительно позднихъ, не ранѣе XIII в., памятникахъ. В. А. сознательно отказывался въ своей рѣчи отъ рѣшенія вопроса о происхожденіи суфизма и его составныхъ частей, отъ сравнительной оцѣнки вліянія «встрѣчныхъ идей запада и востока», т. е. Передней Азіи съ Греціей и Индіи. Кромѣ приведеннаго въ рѣчи факта, что

¹ «Тайны единенія съ Богомъ въ подвигахъ старца Абу-Са'ида» и «Жизнь и рѣчи старца Абу-Са'ида Мейхенейскаго» (СПб. 1899).

² Одно вошло въ книгу «Тайны единенія» и т. д., другія въ ЗВО, XIII, 145—156.

³ Ср. попытку такой характеристики, главнымъ образомъ по изданіямъ В. А., въ брошюрѣ А. А. Семенова «Мусульманскій мистикъ и искатель Бога X—XI в. по Р. Х.». Асхабадъ. 1905 г.

⁴ ЗВО, XII, стр. XXIII.

⁵ ЗВО, XVII, стр. XXIII.

⁶ *The Kashf al-Mahjub...*, transl... by R. A. Nicholson, Leyden-London 1911 (Gibb. Memor. Series, vol. XVII). Въ бумагахъ покойнаго В. А. сохранились нѣкоторыя критическія замѣчанія по поводу этого перевода.

⁷ О ней см. выше, стр. 402.

⁸ В. А. въ 1895 г. считалъ необходимымъ, чтобы «въ основу сужденій» о суфизмѣ были положены «труды въ известной системѣ безъ символовъ и аллегорій излагающіе позарнія суфиевъ». Ср. противоположное мнѣніе G. Jacob, высказанное въ 1914 г. (въ предисловіи къ *Al-Kusehairis Darstellung des Sufitums*, von R. Hartmann), что мистика «konnte ihren klassischen Ausdruck nur bei den Dichtern, nicht in Lehrsystemen finden». G. Jacob едва-ли правъ; какъ ни переиначивались основы суфизма въ трудахъ мусульманскихъ теоретиковъ, старавшихся примирить его съ правовѣріемъ, все же эти труды даютъ намъ болѣе ясное представленіе о первоначальныхъ, до-мусульманскихъ источникахъ мусульманской мистики, чѣмъ стихи поэтовъ.

еще не изслѣдованы имѣющіеся на персидскомъ и арабскомъ языкахъ первоисточники по суфійской догматикѣ, В. А.-ча, можетъ быть, удерживало также соображеніе, что для рѣшенія такихъ вопросовъ необходимо подробно ознакомиться съ религіей и философіей всего древняго міра, западнаго и восточнаго, вслѣдствіе чего эта задача не можетъ быть выполнена специалистомъ по изученію одной страны и одной литературы. Но если В. А., по характеру своей научной подготовки, не могъ бы дать намъ исчерпывающее изслѣдованіе о суфизмѣ, какъ религіозно-философской системѣ, то едва ли кто нибудь могъ бы дать болѣе яркую картину жизни и дѣятельности отдѣльныхъ суфіевъ и ихъ вліянія на народныя массы, чѣмъ В. А., съ его чуткимъ пониманіемъ человѣческой души вообще и религіозныхъ потребностей въ особенности. Тѣмъ труднѣе примириться съ тѣмъ, что такъ много изъ обѣщаннаго В. А. въ этой области осталось невыполненнымъ¹.

Кромѣ религіозныхъ вѣрованій, В. А. интересовался и другими сторонами духовной жизни персидскаго народа, какъ она выражалась въ его пѣсняхъ и вообще въ популярной литературѣ. Въ нашемъ Отдѣленіи имъ былъ сдѣланъ въ 1888 г. докладъ о персидскихъ колыбельныхъ пѣсняхъ², напечатанный потомъ въ ЖМНП³, въ Этнографическомъ Отдѣленіи Русскаго Географическаго Общества въ февралѣ 1889 г. докладъ «Персидская свадьба въ пѣсняхъ»⁴, оставшіяся ненапечатанными. Нѣсколько докладовъ и статей были посвящены такъ называемымъ «странствующимъ сюжетамъ» мировой литературы, поскольку они отразились въ литературѣ персовъ⁵. Научная цѣнность этихъ работъ и въ особенности изданнаго В. А. въ 1902 г. сборника «Образцовъ персидскаго научнаго творчества», удостоеннаго, на основаніи отзыва С. Θ. Ольденбурга⁶, большой золотой медали Русскаго Географическаго Общества, будетъ выяснена въ особомъ

¹ Изъ бумагъ В. А. видно что имъ подготавливалось къ изданію и переводу сочиненіе еще другого мистика XI в., نور العلوم Абу-л-Хасана Харакани (объ этомъ трудѣ Grundr. der Iran. Phil., II, 274).

² ЗВО, III, стр. II.

³ «Колыбельныя пѣсни и причитанія осѣдлаго и кочевого населенія Персіи» (ЖМНП, лив. 1889 г.).

⁴ См. краткое изложеніе содержанія доклада въ Изв. И. Р. Геогр. Общ., т. XXV (1889), дѣяствія Общ., стр. 28 сл. Соответствующій матеріалъ потомъ вошелъ въ Образцы персидскаго народнаго творчества (ср. тамъ, стр. 119, прим.).

⁵ Въ январѣ 1890 г. о Шемякинѣ Судѣ (ЗВО, V, стр. 1, статья тамъ же, 157—178); въ апрѣлѣ 1892 г. о повѣсти Джумджума-намъ (ЗВО, VII, стр. IV, статья тамъ же, 68—72); въ мартѣ 1906 г. о персидскомъ изводѣ «Варлаама и Иоасафа» (ЗВО, XVII, стр. XXXI), В. А. не говорилъ въ печати, что имъ уже лѣтомъ 1897 г. былъ приготовленъ полный переводъ персидскаго «Варлаама и Иоасафа». См. еще статью «Соловей и Муравей» въ ЗВО, XI, 304—306.

⁶ Напечатанъ въ Отчетѣ Имп. Р. Геогр. Общ. за 1902 г., ч. I, прилож., стр. 045—048.

докладѣ. И въ этомъ случаѣ В. А. выполнилъ не все, что имъ было намѣчено; между прочимъ, не появился въ свѣтъ предположенный имъ къ издацію сборникъ персидскихъ романсовъ изъ коллекціи Ханыкова, находящейся въ Публичной Библіотекѣ¹.

Особое мѣсто занимають доклады В. А. о персидской популярной литературѣ, связанной съ современной политической жизнью страны. Сюда относятся доклады: о «Персидскомъ базарномъ стихотворствѣ на современные темы» (1893)², о «Послѣднихъ дняхъ шаха Насир-ад-дина» (1901)³, о «Чертахъ современнаго положенія Персіи въ ея литературныхъ произведеніяхъ (1903)»⁴. Дорожа своими связями въ Персіи, въ томъ числѣ и въ официальныхъ кругахъ⁵, В. А. не могъ въ то время отдать въ печать собранный имъ матеріалъ, обработанный имъ въ докладахъ съ такою же любовью и такимъ же умѣніемъ, какъ другіе матеріалы по народной литературѣ персовъ. Въ памяти, можетъ быть, не одного слушателя докладовъ сохранились краснорѣчивыя слова, приписанныя убійцѣ шаха Насир-ад-дина и обращенныя къ персидскимъ вельможамъ: «Насир-ад-динъ былъ старымъ гнилымъ деревомъ; теперь въ вашихъ рукахъ молодой ростокъ, шахъ Музаффаръ; берегите его и не давайте ему расти криво, иначе и для него пайдется такой же топоръ, какимъ былъ я для Насир-ад-дина»⁶.

Послѣ 1902 г. произошелъ продолжительный перерывъ въ научно дѣятельности В. А., насколько эта дѣятельность проявлялась въ печатныхъ трудахъ. Съ 1903 до 1916 гг. включительно В. А. не выпустилъ въ свѣтъ ни одной статьи; съ 1909 до 1912 включительно не читалъ и докладовъ въ Отдѣленіи. Несомнѣнно, что В. А. чемъ въ это время готовились къ печати и даже печатались нѣкоторыя работы, по никакія свѣдѣнія о нихъ не дохо-

¹ Въ бумагахъ В. А. сохранилась часть этой работы (переписанный текстъ и переводъ).

² ЗВО, VIII, стр. IV.

³ ЗВО, XIV, стр. VII.

⁴ ЗВО, XVI, стр. XVI. Запѣтки для доклада и персидскія брошюры, служившія для него источникомъ, сохранились въ бумагахъ В. А.

⁵ Заслуги передъ наукой одного изъ дѣятелей официальной Персіи, Сани-ад-дула или Итмад-ал-салтанаэ, были предметомъ одной изъ статей В. А. въ ЗВО (X, 187—191), ср. также отзывъ о трудѣ *مطلع الشمس* въ ЗВО, III, 119. Объ этомъ умѣстно вспомнить теперь, въ виду появившихся въ татарскомъ журналѣ *شورا* (1918 г., № 23—24) сѣтованій на русскихъ ориенталистовъ, будто бы не желающихъ знать восточныхъ ученыхъ; авторъ ссылается на слова сотрудника ЗВО, А.-З. Валидова, рассказавшаго ему, что такой специалистъ по Персіи, какъ В. А., не зналъ о существованіи Джемал-ад-дина Афгани. Въ дѣятельности Джемал-ад-динъ былъ хорошо извѣстенъ русскимъ мусульманистамъ и во время пребыванія въ Петербургѣ въ 1888 г. посѣтилъ одно изъ засѣданій нашего Отдѣленія (ЗВО, III, стр. III).

⁶ Въ бумагахъ В. А. сохранился текстъ и переводъ труда Али-Хана Каджарскаго о послѣднемъ времени Насир-ад-дина и началѣ царствованія Музаффара; изъ этого труда преимущественно былъ извлеченъ матеріалъ для доклада.

дли до ученаго міра; съ 1907 до 1916 гг. включительно В. А. не давалъ о себѣ и своихъ работахъ никакихъ свѣдѣній даже въ университетскихъ отчетахъ. Въ исторіи русскаго востоковѣдѣнія это продолжительное молчаніе лучшаго знатока одной изъ странъ мусульманскаго міра, вѣроятно, будетъ признано однимъ изъ самыхъ печальныхъ фактовъ. Мы не будемъ входить въ разсмотрѣніе причинъ этого факта. В. А., конечно, не охладѣлъ къ предмету своихъ изслѣдованій, но возможно, что въ немъ, несмотря на сочувственные отзывы специальной критики, подъ вліяніемъ равнодушія общества къ трудамъ русскихъ востоковѣдовъ нѣсколько ослабѣло желаніе обращаться къ читателямъ.

Необходимо отмѣтить также фактъ уклоненія В. А. отъ всякой печатной полемики, даже отъ составленія отзывовъ о чужихъ трудахъ. Несомнѣнно, что В. А. никогда не переставалъ внимательно слѣдить за литературой по своей специальности; его молчаніе вызывалось иными мотивами, ближе всего, по всей вѣроятности, соответствующими девизу современнаго арабскаго писателя, съ которымъ насъ недавно познакомилъ И. Ю. Крачковскій¹: «Скажи слово свое и иди». Какъ бы мы не были расположены сочувствовать этому девизу, едва ли состояніе русской науки даетъ право русскому ученому имъ руководствоваться.

Въ первые годы своей дѣятельности В. А., повидимому, смотрѣлъ на этотъ вопросъ такъ же, какъ другіе русскіе ориенталисты. Низкій уровень культурности русскаго общества, въ особенности низкій уровень познаній о Востокѣ побуждалъ русскихъ ориенталистовъ на страницахъ своихъ періодическихъ изданій давать отзывы о такихъ книгахъ, которыя на западѣ вообще не были бы удостоены вниманія научной печати. Нѣсколько такихъ рецензій, на ряду съ отзывами о серьезныхъ научныхъ трудахъ, помѣстилъ на страницахъ «Записокъ» нашего Отдѣленія и В. А., но всѣ напечатанныя имъ рецензіи помѣщены въ небольшомъ числѣ томовъ, отъ 2-го до 7-го; изданія, о которыхъ давалъ отзывъ В. А., всѣ относятся къ четырехлѣтнему періоду 1887—1891 гг. В. А. послѣ 1891 г. ничѣмъ не отзывался даже на появленіе научныхъ трудовъ, близко касавшихся предметовъ его специальныхъ занятій; имъ не было дано отзыва ни объ «Исторіи персидской литературы» Э. Броуна, ни объ англійскомъ переводѣ *كشف المحجوب*, ни о «Матеріалахъ для изученія персидской секты Люди истинны» В. Θ. Мипорскаго. Въ послѣдніе годы имъ только въ рѣдкихъ случаяхъ дѣлались въ засѣданіяхъ Отдѣленія доклады о вновь вышедшихъ трудахъ или вновь опубликованныхъ матеріалахъ; сюда относятся прочитанный въ февралѣ

¹ Аминъ-Рейхани, Петроградъ 1917 (издат. «Огни», Повѣсти. Разказы. Кн. XI).

1913 г. докладъ о путешествіи d'Allemagne: «Du Khorasan au pays des Bakhtiariis», причѣмъ обѣщаніе дать печатный отзывъ объ этомъ трудѣ¹ не было исполнено, и прочитанное въ октябрѣ 1914 г. сообщеніе «Разсказъ современника о Халладжѣ»². При жизни такого знатока Персіи и литературы о ней, какъ В. А., никто другой изъ членовъ нашего Отдѣленія не рѣшился бы взять на себя обязанность знакомить читателей съ новыми трудами въ этой области; поэтому отдѣлъ критики и библиографіи въ «Запискахъ» Отдѣленія, не удовлетворявшій и въ другихъ отношеніяхъ тѣмъ требованіямъ, которыя могли бы быть предъявлены къ нему русской наукой, не давалъ почти никакихъ свѣдѣній о трудахъ, посвящавшихся послѣ 1891 г. Ирану.

Въ мою задачу не входитъ дать полную оцѣнку дѣятельности В. А., которой, конечно, будетъ принадлежать видное мѣсто въ исторіи русской науки, хотя ея итоги, какъ и итоги дѣятельности большинства другихъ русскихъ ученыхъ, по крайней мѣрѣ въ количественномъ отношеніи далеко не соответствуютъ тому, чего можно было ожидать по ея блестящему началу. Не касаюсь вопроса, насколько это явленіе въ данномъ частномъ случаѣ связано съ общими условіями русской жизни и насколько оно должно быть объяснено условіями личной жизни и личными свойствами нашего покойнаго сочлена. Не касаюсь мало извѣстной мнѣ дѣятельности покойнаго въ учебномъ отдѣленіи восточныхъ языковъ, во главѣ котораго онъ стоялъ съ 1906 г., и вообще въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Не буду вдаваться въ оцѣнку заслугъ покойнаго, какъ университетскаго преподавателя и участника жизни факультета восточныхъ языковъ, въ которомъ онъ десять лѣтъ былъ секретаремъ (1892—1902) и девять лѣтъ деканомъ (1902—1911). Лично я имѣлъ счастье слушать лекціи В. А. въ первые годы его дѣятельности, когда онъ приступалъ къ своей задачѣ со свѣжими силами и надеждами и еще не подвергался дѣйствию того разочарованія, о которомъ онъ впоследствии, какъ всѣмъ извѣстно, не разъ говорилъ въ кругу товарищей. Не могу не вспомнить съ благодарностью о В. А., какъ внимательномъ и строгомъ оффиціальномъ оппонентѣ, какимъ ему пришлось выступить на моемъ диспутѣ, въ первый и въ послѣдній разъ за всю свою продолжительную преподавательскую дѣятельность. Какъ дороги были В. А.-чу интересы факультета, съ какимъ знаніемъ дѣла и любовью онъ принималъ участіе въ обсужденіи волновавшихъ факультетъ вопросовъ, объ этомъ едва ли есть надобность говорить. Извѣстно, что В. А.-чемъ было составлено, отъ имени всѣхъ учениковъ барона Розена, обраще-

¹ ЗВО, XXII, стр. IV.

² Ibid., стр. XXXVI.

ніе къ ихъ общему учителю, въ которомъ они называютъ себя «неразрывно связанными», благодаря барону Розену, «съ университетомъ и наукой». Памятна мнѣ также рѣчь покойнаго въ факультетѣ послѣ переизбранія его деканомъ въ 1905 г., въ которой онъ называлъ себя въ полномъ смыслѣ слова воспитанникомъ факультета, «воспитанникомъ не только своихъ учителей, но и своихъ учениковъ». Ограничиваюсь приведеніемъ этихъ подлинныхъ словъ покойнаго, наглядно показывающихъ, какъ тѣсно онъ считалъ себя связаннымъ со своими старшими и младшими товарищами; совершенно не касаюсь вопроса, какихъ учениковъ В. А. прежде всего имѣлъ въ виду, въ чемъ особенно ярко выразилось его согласіе съ ними и въ чемъ онъ, наоборотъ, особенно въ послѣдніе годы своей жизни, съ ними расходился. Каковы бы ни были эти разногласія и чѣмъ бы они ни были вызваны, В. А. сохранилъ до конца любовь къ русской культурѣ, къ русскому востоковѣдѣнію и къ своей собственной научной специальности. Не буду останавливаться на томъ, что особенно влекло къ В. А. всѣхъ имѣвшихъ съ нимъ дѣло: на той душевной теплотѣ, которая не только проявлялась въ его печатныхъ трудахъ, но постоянно чувствовалась въ его отношеніяхъ къ людямъ, старшимъ и младшимъ, несмотря на кажущуюся суровость. Помимо изученія прошлаго Персіи, составлявшаго главный предметъ его личныхъ занятій, В. А. призывалъ своихъ учениковъ, работавшихъ въ Персіи, къ изученію современной жизни этой страны. Что этотъ призывъ не всегда оставался безъ отклика, лучше всего показали докладъ В. А. о «Чертахъ современнаго положенія Персіи въ ея литературныхъ произведеніяхъ», прочитанный въ нашемъ Отдѣленіи въ ноябрѣ 1903 г., на основаніи матеріала, присланнаго В. А-чу изъ Персіи его учениками и друзьями. Въ этомъ докладѣ В. А. говорилъ о политическомъ моментѣ, переживавшемся тогда Персіей, о памятникахъ народной литературы, въ которыхъ отражалось политическое движеніе и которые и до сихъ поръ остаются совершенно неиспользованными¹; въ выраженіяхъ, полныхъ достоинства и въ то же время скромности, В. А. упоминалъ о заслугахъ своихъ учениковъ въ дѣлѣ собранія цѣннаго для будущаго историка матеріала и выражалъ надежду, что этому примѣру послѣдуютъ будущія поколѣнія воспитанниковъ факультета. Позволяю себѣ привести, изъ бумагъ В. А-ча, эту заключительную часть доклада, въ которой ярко отразилась личность покойнаго профессора: «Какъ изволятъ видѣть члены Отдѣленія, памятники цѣнные; къ сожалѣнію, для обработки и опубликованія ихъ не настало еще

¹ О нихъ не упоминается ни въ книгѣ Э. Броуна *The Persian Revolution* (1910), ни въ русской работѣ М. А. «Послѣднее политическое движеніе въ Персіи», вып. 1 (1906) и 2 (1907).

время; важно легѣть добрососѣдскія отношенія съ Персїей. Предстоитъ теперь копить малое; оно, по словамъ Са'ди, образуетъ потокъ и многое и сослужитъ большую службу будущему историку Персїи за время конца XIX и начала XX столѣтїи. Картины не новыя: взяточничество, полный произволъ разнузданнаго правительства, прогрессирующій въ зависимости отъ ступени, на которой находится народный вопль отъ тягостей. Картины, извѣстныя всѣмъ, непосредственно соприкасавшимся съ Персїей или читавшимъ путешествія, но не персидскимъ періодическимъ изданїямъ, выбрасываемымъ на персидскій рынокъ. Тутъ все благополучно: справедливость шаха, изобиліе плодовъ земныхъ, времена мира и благополучія и молитвы— можно подуматъ, что въ раю. Картины не новы— ново (и то относительно) отраженіе въ литературныхъ произведенїяхъ, шире или уже рисующихъ дѣйствительность, отвѣчающихъ на самыя разнообразныя запросы и злобы дня. Литература трехъ родовъ: устная, въ спискахъ по рукамъ въ разныхъ мѣстахъ и выходящая изъ-подъ литографскаго станка (что совершенно ново)—добыть ее такъ же трудно, какъ археологическій памятникъ, зарытый въ землѣ. Нужно сидѣть на мѣстѣ, слѣдить и умѣть добывать. Если мнѣ на далекомъ отъ Персїи сѣверѣ выпало счастье получить этотъ цѣнный матеріалъ, образованный маленькой горстью изъ моихъ бывшихъ учениковъ по университету и лицъ, связанныхъ со мною узами дружбы по мовїмъ поѣздкамъ въ Персїю, которыя при сложныхъ служебныхъ обязанностяхъ находили время и охоту не порывать въ моемъ лицѣ связи съ университетомъ и отчасти по собственному почину, отчасти по моимъ указанїямъ и покорнѣйшей просьбѣ, по крохамъ собирать цѣнный матеріалъ— Власова, Батюшкова, Барановскаго и Гирса я считаю долгомъ съ благодарностью вспомнить: они собственно являются докладчиками, а я только *راوی* передатчикъ. Нужно пожелать, чтобы горсть эта разрасталась и нашла себѣ подражателей въ нарастающемъ поколѣнїи слушателей восточнаго факультета».

Событія конца 1917 г., причинившія В. А-чу и его семьѣ больше горя, чѣмъ всѣмъ его товарищамъ, не уничтожили въ немъ желанія работать для науки; насильственно оторвавшій отъ значительной части своихъ прежнихъ обязанностей, онъ мечталъ снова посвятить себя исключительно научнымъ изслѣдованїямъ и довести до конца прерванные научныя труды, по этимъ мечтамъ не было суждено сбыться.

В. Бартольдъ.